

Павел РЫКОВ

Павел Григорьевич Рыков – член Союза писателей России, автор многих книг стихов и прозы, лауреат многих премий. Живёт и работает в Оренбурге.

«ОТКРЫЛАСЬ БЕЗДНА...»

О книге Павла Кренёва «На огненном рубеже» // «Путеводная звезда. Школьное чтение». № 1 – 2021

Слово должно быть живым и упругим на ощупь. Если читатель ощутит волглый, пропитанный йодом запах водорослей, выброшенных гулливой волной на холодный беломорский песок, зябко поведёт плечами, почуяв задувающий Сиверко, норвящий пробрать до костей, услышит крики вечно несытых чаек, реющих над рыбацкими карбасами, да войдёт вместе с автором в самую гущину северного леса, значит, не зря открыл ту самую книгу, такой заветный мир русской прозы, по которому истосковалась наша душа.

Речь у нас с вами пойдёт о Павле Кренёве и его книге, которую вы, уважаемый читатель, взяли сейчас в руки. Автор – ПОМОР! И этим многое сказано. Значит, из архангелогородцев – русских северян, укоренившихся с незапамятных времён на побережье Белого моря. Там многое наособицу, отличное от среднерусских реалий. Да и люди, в этих пределах живущие, тоже наособицу. Сами понимаете: Белое море – это вам не Чёрное. И полярный круг – не шёлковая опояска лёгонького сарафана. От здешних мест до круга рукой подать.

Всякий человек уникален. Умеющий же подбирать слова и запечатлеть свои чувства и мысли на бумаге уникален вдвойне. Северяне издавна почуткие к Слову и всегда умели его бережно хранить. Вспомним: именно здесь, среди глухих лесов, в деревянных, ладно сложенных из строевого леса избах, сберегались веками не только древлеписанные книги, но и распевы русских былин о богатырях и князе Владимире Красное Солнышко. Киев запоматовал, Москва пренебрегла. А на Севере продолжало златотанное слово звучать. Конечно, тому причиной – не вытоптали народную память кочевники. Сказалась отдалённость мест, анклавированность культурного пространства от среднерусского смешения языков, от заразы бездумного заимствования и навязывания иноязычия. А ещё – Свобода. Крепостного права Русский Север не знал, бар, помешанных на всём французском, здесь не заводилось, чем северяне немало гордятся.

Вчитываясь в прозу Павла Кренёва, начинаешь осознавать: у него за плечами великая, давняя и славная традиция владения словом. Непременно вспоминается помор из Холмогор Михайло Ломоносов, чья строка из оды вынесена в заголовок нашего раздумья. А ещё изошрённые мастера словесного плетения Степан Писахов и Борис Шергин. А ещё бабушкины сказы, а ещё характерные северные многоголосные распевы, которые сберегает Северный академический русский народный хор.

Да иного и быть не могло: Павел Кренёв родом из деревни Лощеньга на Летнем берегу моря. Одно название селища дорогого стоит. Здесь и шипение приливной волны, набегающей на прибрежный песок, и звуки от лопастей вёсел карбасов, и шаньги печёные – лакомство из лакомств, и ворожба звукосочетаний. И, конечно же, сызмальства впитал он в душу слова, которыми перекликаются-перебрасываются меж собой односельчане: Сиверко-ветер, Заветерье – тихое место, Побережник – опять-таки ветер, Угор – холм, Пестерь – заплечный короб из бересты. Такими изысканными словами изукрашены рассказы и повести Кренёва, словно камнями самоцветными оклады намоленных икон в храмах.

Но вернёмся к Книге. Она вся родом из детства. Книга о Войне. Казалось бы, Великая Отечественная отражена в нашей литературе вся без остатка. Но вот за эту тему сызнава берётся талантливый художник, и мы вместе с ним начинаем вновь и вновь осознавать всю глубину и неисчерпаемость того, что связано с темой трагедии и подвига народного. Сегодня практически все, кто воевал на фронтах Великой Отечественной, ушли в мир иной. Но ещё живы дети и внуки воевавших, живших в тылу, надрывавших жилы непосильным трудом, помогая Отчизне выстоять и победить зверюгана, пришедшего на Русь со всеуничтожающим огнём ненависти. Они помнят ушедших. Помнят вопреки увёртливым, подловатым уверениям в необходимости забыть или по крайней мере простить убийц и насильников с мёртвой головой в качестве кокарды на чёрных фуражках с высокими тульями. Павел Кренёв из поколения Помнящих.

«А отступить, рядовой Борисов, нельзя нам с тобой, приказа такого у нас нет, да и боеприпасы мы с тобой пока не расстреляли полностью. А как из боя выходить, если патроны имеются в наличии? Особый отдел по головке не погладит. Так ведь, Николаша?» – так увещевает перед смертным боем молодого напарника пулемётчик Силантий – герой повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова», прообразом которого послужил дед автора Егор Ермолаевич Бадогин, без вести пропавший на Карельском фронте. Кренёв пишет о войне, ничего не скрывая, ни о чём не умалчивая, не приукрашивая во имя насаждавшихся некогда политпросветом пропагандистских мифов.

«И отчего-то повисла тяжким, неизбывным грузом на душе чересчур запоздалая, крепко опечалившая его забота. В этот последний момент, когда шла на него танковая армада, вспомнилось ему вдруг, как ставши комсомольцем, снял он с себя серебряный крестик, надетый когда-то на его младенческую шейку сельским священником отцом Павлом Васильевским. Как в тридцать втором году по разнарядке парторганизации громил он деревенскую церковь, в которой вековечно находились святыи мощи яреньгских чудотворцев Иоанна и Лонгина. Выбрасывал на улицу святыи иконы...»

Мастерски автор прослеживает минута за минутой действия пулемётного расчёта перед боем. Есть нечто завораживающее в этих подробностях, одновременно точно выписанных, когда читатель словно бы оказывается рядом с этими обречёнными на неминуемую смерть простыми русскими людьми. Вот и мы бережно отрываем кусок бумаги, сворачиваем самокрутку, насыпаем табак и вдыхаем аромат табачного дымка, перебивающего запахи травы, лесной хвои и оружейного масла, которым пахнет оружие, снаряженное к бою. Нет в этих описаниях пафосной трескотни и парадно-выходных красотостей. Есть точная констатация психологического состояния людей, понимающих что почём.

Одно из знаменательных явлений нашего времени – приход в литературу, повествующую о подвиге народном, людей, ту войну не познавших. О ней попервоначально писали те, кто прошёл, прополз по-пластунски по полям сражений. Сразу же вспоминаются и С. Гудзенко, и И. Деген, и М. Клипиницер, А. Волженцев, М. Абдуллин и тысячи тысяч безвестных авторов, писавших о войне в окопах и блиндажах в короткие минуты затишья между боями. Очень часто строку обрывали пуля, осколок, пробивая насквозь записную книжку с заветными строками. О войне писали титаны А. Твардовский, К. Симонов, А. Сурков, М. Шолохов, В. Астафьев... Затем настала пора так называемой «лейтенантской прозы», ярчайшими представителями которой выступили Ю. Бондарев и В. Быков. Закрыли эти великие авторы тему Великой Победы? Да и могут ли, имеют ли право писать о войне, от которой нас отделяют семь десятилетий те, кто её не ощутил во всём её тягостном величии? Вспомним, однако, что роман-эпопею «Война и мир» Лев Толстой начал создавать через 51 год после разгрома Наполеонова нашествия.

А вот ещё один отрывок из другой повести, помещённой в книгу Павла Кренёва: *«В почти совсем разрушенный и малолюдный Мурманск Аня приехала через притихшую и обугленную Карелию. Весь этот город, раскиданный по чёрным, опалённым пожарами сопкам, всего полгода назад сотрясаясь от взрывов снарядов и бомб, и был теперь похож на погашенный гигантский костёр с ещё тёплыми головёшками – недогоревшими остатками бывших человеческих жилищ. Ане показалось, что прямо через город проехал тяжёлый, гигантский, размером до небесной выси, сокрушительный каток лютной войны. Проехал и раздавил всё, что жило в нём раньше».*

Продолжим чтение щемящей душу повести «Беляк и Пятнышко». Совсем юная, отучившаяся семь классов, по теперешним меркам вовсе девчонка Аня едет на охоту за морским зверем – гренландским тюленем, которому в Архангельске поставлен памятник. Ей предстоит не стрелять – то дело мужское, охотничье. Но она будет участвовать в зверобойке, в разделке туш на льдине, ступая по лужам крови, содрогаясь от увиденного. Автор пристально и сострадательно вглядывается в то, что происходит в жизни маленькой, на наших глазах взрослеющей героини. Вместе с героиней мы почти физически ощущаем все тяготы зверобойного промысла. Её труды – быть волочильщицей, т.е. сволакивать в кучу шкуры и пласты мяса.

Тюленихи-утельги, родившие на закраинах беломорских льдин тюленят-бельков, не могут во имя своего спасения бросить новорожденных, хотя видят смерть неминуемую, слышат хлопки выстрелов – но материнский инстинкт не позволяет. Гекатомба, что разворачивается перед глазами Ани, неумолима и не может быть остановлена. Тюлений жир и мясо спасали жителей блокадного Ленинграда. Поддерживали в войну мурманчан, жителей Архангельска. Ранней весной 1945 года мясо и тюлений жир были ой как востребованы – ленд-лизовой тушёнки на всех не хватало.

А для Ани, несмотря на юные её лета, это возможность заработать столь нужные для семьи рубли. На отца-то похоронка с фронта пришла. Война никого не жалела: ни бойцов в окопе, ни детей в тылу. Весь её ужас воплощён в картине, нарисованной Павлом Кренёвым. Рвущий сознание апофеоз смертоубийства: белая льдина с чёрной полосой живых ещё тюленей на самой закраине льда. Кровь, кровь, кровь, освежёванные туши

уже убитых животных и маленькие детёныши-бельки, не понимающие, что их матери убиты, а им тоже предстоит погибнуть. И замерзающая девочка Аня, забытая на льдине по недосмотру бригадира на куче тюленьих шкур с изнанкой жёлтого жира: «...мысли будоражили теперь и просто терзали её сердце, и она, как и эти маленькие тюленята, была беззащитна перед своими думами, ведь всё это было правдой. И ей некуда было бежать от этого ледяного поля со множеством убитых тюленей и от своих мыслей тоже». Вот вам и мирный тыл...

Сегодня войну порой норовят представить в жанре развлекательного зрелища, почти вестерна, наподобие так называемых спагетти-вестернов, которые в недавнем прошлом насобачились снимать итальянские кинематографисты. У нас «вестернизацией» народной трагедии также занялись гешефт-киношники. Патлатые мальчишки-актёрчики, наряженные в красноармейскую форму, да актриски с тщательно промытыми дорогим шампунем, красиво уложенными длинными волосами бьют без промаха фашистиков в нарядной, тщательно отглаженной форме, пошитой по лекалам от известной фирмы. Но война – дело кровавое, грязное и даже, извините, вшивое. Люди умирали на ней страшно. Об этом писал Толстой. Так её запечатлели Шолохов и Астафьев... Павел Кренёв следует этой традиции беспощадной в своём реализме русской прозы.

Заворожённые мастерством автора, вновь обращаемся к повествованию о том, как два бойца рабоче-крестьянской Красной армии, оборудовав окоп с пулемётом «максим» в карельском лесу, практически в одиночестве поджидают появления финских и немецких танков и автоматчиков. И для них, да и для нас совершенно понятна судьба по сути брошенных командованием двух красноармейцев, один из которых – умелый солдат ещё с гражданской войны, воевавший в составе Первой Конной, а второй – стригунок необученный.

Обстоятельно, не торопясь, по-деловому они готовятся принять бой. Обустраивают огневую точку. Автор подробно наблюдает, как бойцы готовят к бою аж четыре гранаты, предназначенные поразить танк. Выпивают водки, закусывая тушёнкой и солдатским хлебешком. У молодого за спиной работа на заводе и комсомольская юность. У опытного Силантия – большая жизнь, война с белыми, арест по подлому доносу, как это водилось в предвоенные годы массовых репрессий, и жестокие допросы в НКВД, за которыми ему как врагу народа маячила неминуемая смерть.

Он, конечно же, не запамятовал всё это, но сегодня не время считаться с обидами. Надо бить врага и защищать родную землю. Впрочем, никаких пафосных слов автор в уста героев не вкладывает. Да, есть у ветерана понимание того, что смерть в бою неизбежна, слишком невелики их силы. Ощущение приближающейся бездны кого угодно может свести с ума. Спасают воспоминания о родных местах, любых сердцу картинах природы: «Силантий невольно представил себя на тетеревином току, что неподалёку от его родной деревни. Он сидит посреди большого мха в шалашке, сделанной из маленьких сосен, обложенный густыми ветками, и глядит из неё, как вокруг бродят, растопырив и опустив крылья, распушив веерообразные хвосты, украшенные белыми перьями чёрно-сизые петухи. И вечной страсти продолжения рода выклёктывают бесконечные, урчащие, воркующие звуки, словно подражая трелям звенящим повсеместно весенних ручьёв, вытянув шеи, они задирают друг друга, дерутся.

«Чу-фышишь! Чу-фышишь», – шипят они друг на друга. И вокруг на клюквенных кочках, покрытых утренним ледком лужицах колышутся

ветерком их выдранные из боков перья. А рядом с током сидят на маленьких сосёнках нахохлившиеся тетёрки и внимательно высматривают, кто из косачей токует жарче, упоительнее, восторженнее, выбирают самых красивых и сильных».

Каждый из нас по-своему запоминает милую сердцу картину родины, где он услышал первые звуки, ощутил дуновение ветерка, запечатлел в памяти стремительный прочерк стрижей по весеннему небу или похрумкивание снега под шагами идущего. Для Силантия Егоровича Батагова родина – это жена и дети, дом и незабываемые звуки внешнего токования птиц – этого воистину гимна всеобъемлющей любви и пробуждающейся природы. Именно во имя любви к родине жертвует он своей жизнью, выходя на неравный бой с вражьей силой: *«Глухарь, захлёбываясь в своей песне, прошёл совсем рядом. И выстеливший землю лёгкий утренний иней хрумчал, когда в него вдавливались глухаринные лапы. И когти, и шпоры большой птицы шаркали, прикасаясь к его серебристому покрывалу.*

«Эк-ты, – подумалось Батагову, – война кругом, а этот разошёлся тут. Иш-ты, а если враг тебя, дурака, услышит да кокнет? Хорошо тебе будет?»

При чём тут враг, ему и самому было неизвестно. Но сейчас, на войне, ему невольно казалось, что всё, способное принести вред ему самому, или людям, или вот этому глухарю, могло быть только от врага. И за это его следовало бить ещё крепче».

Любовь – одна из сквозных тем рассказов и повестей в книге Павла Кренёва. Именно она спасает замерзающую девочку на льдине. Любовь движет бойцом, идущим на верную смерть. И это чистая правда, ибо только она заставляет человека совершать поступки, выходящие за тесные рамки обыденности и так называемого здравого смысла. Вот и в рассказе «Дядя Вася» речь пойдёт о любви. Да ещё о какой! О страшной, преступной, душераздирающей.

Начало рассказа обманчиво мирное, простенькое. Охотничьи утехы, приятели на тяге вальдшнепов. Разговоры за чаем после стрельбы, подле костерка, в котором печётся картошка – милое дело! Но слово за словом и мы, читатели, начинаем погружаться в то, что можно назвать преисподней любви. Разговор отталкивается от искалеченной руки Виктора – собеседника рассказчика. Дело заваривалось в послевоенные годы в тех местах, по которым дважды прокатилась война. Сперва Псковщина с тоской и слезами провожала части Красной армии, отступавшие под натиском гитлеровцев. Потом настала пора гитлеровцев уносить ноги из России. Поля и леса за время боевых действий были наспигованы брошенным и утраченным оружием и боеприпасами.

В деревнях, куда не вернулись погибшие на фронтах отцы, росла и вольготно чувствовала себя мальчишечья безотцовщина: *«Летом матери с утра и до ночи маялись в поле, и они, родившиеся в предгрозовую пору, босоногие, в рваных запylённых рубахах, жили галдящей вольницей, предоставленные самим себе... Сколько их изранено и покалечено в то проклятое время, сколько погибло. Матери пробовали запирать сыновей дома, брали с собой на работу. Да разве удержишь! А потом опять где-нибудь за речкой раздавался взрыв гранаты, разорвавшейся в чьих-то детских руках, и ребятки кто бегом, кто ползком, оставляя красные капли на траве, сыпали в разные стороны... А потом опять, как в войну после похоронки, воят по деревне бабы, и не было, казалось, конца тому плачу».*

Поневоле вспоминаются здесь герои фильма Николая Губенко «Подранки». Однажды и Витька, собеседника рассказчика, ранило – отсюда и давнишняя отметина на искорёженной руке. В те поры появился в деревне дядя Вася Кошелев – один из немногих вернувшихся с войны мужиков. Он-то и начал борьбу с мальчишками, запрещая ходить по местам боёв и собирая стреляющие и взрывающиеся трофеи. Досталось и Витьку: *«А-а-а, кричишь, змей! А башку бы оторвало? Не так бы закричал. А-а-а! Мало тебе батьки убитого! Н-на те ещё по жопени, н-на! Увижу снова, сам башку оторву!»*.

Следует отдать должное Павлу Кренёву. Воспроизводя думы и речи своих героев, раскрывая через прямую речь характеры своих героев, он не «причёсывает» лексику, не подчиняется редактирующему перфекционизму компьютера, который очень любит «выпрямлять» просторечие. Потому герой является пред нами живым и понятным. Он такой как есть, с острой речевой характеристикой, вполне уместной здесь и сейчас. В этом смысле автор следует великим образцам русской прозы: Л. Толстому, М. Шолохову, А. Платонову. Но не прост, ох как не прост оказался дядя Вася. Однажды Витька проснулся уже поздно ночью и услышал страшное признание дяди Васи, засидевшегося в гостях у матери Витька за бутылкой самогона. Гостенёк пьяно признавался в давней, довоенной ещё любви-страсти к матери-вдове.

Война – это не только победный флаг над рейхстагом. Война – это ещё и миллионы наших солдат, попавших в гитлеровский плен, лагеря уничтожения. Темя плена и разного поведения людей в неволе не нова в нашей литературе. Вспомним ошеломляющий и по сей день шолоховский рассказ «Судьба человека». На памяти также повесть В. Быкова «Сотников» и рассказанная в ней история предательства партизана и его падение – участие в казни товарища.

Размышляя о теме нравственного падения человека, Павел Кренёв продолжает начатое некогда Пушкиным в «Капитанской дочке», где запечатлён образ офицера Швабрина, изменившего присяге из-за трусости и пагубного желания любым путём овладеть Машей Мироновой. Дядя Вася – бывший фронтовик, бывший военнопленный, заключённый гитлеровского концлагеря, в котором день и ночь дымили трубы крематория, предаёт односельчанина, своего соперника, во имя, как он утверждает, любви. Читать это страшно. А писать о таком каково? Павлу Кренёву нигде не изменяет чувство меры в показе нравственной бездны, в которую ввергнут человек, сам себя в неё ввергнувший, чем бы он ни оправдывал глубину своего падения. Даже любовью: *«А как ты думала! – дядя Вася раскурил новую сигарку. – Там, брат, или тебя, или ты. Волчий закон!»*.

«Вот такой, – пишет Павел Кренёв, – увидел я историю, рассказанную моим другом. Какой увидите её вы, дорогие читатели? Испытаете ли то чувство, которое Аристотель назвал катарсисом?»

И ещё один рассказ о войне – «Мина», рассказ-притча, созвучный общей тональности и смыслу книги. Притча, пожалуй, один из самых сложных, а потому самых высших жанров литературы. Нелепо полагать, что сочинить притчу можно за письменным столом, мудрствуя лукаво. Она всегда исходит из самых, казалось бы, простых, житейских ситуаций. Таковы Притчи Христовы. Помните, как Спаситель шёл по полевой тропке с двенадцатью учениками, и один из них посетовал, что обувь поистерлась, одежда поистрепалась, выглядят они непрезентабельно в глазах Стада Пасомого. Несolidно-де выглядят. Надо бы прибарахлиться,

говоря современным языком, дабы не вспоминать похожее выражение на арамейском. Христос в ответ на сетования посоветовал взглянуть на цветы полевые, что радуют глаз своею красотой. Разумеется, он имел в виду красоту природную, но больше – ту внутреннюю красоту, которая привлекает истинное внимание и поклонение малых сих.

Павел Кренёв в рассказе «Мина» поднимается до высот притчи. Речь идёт о мине, выпущенной из немецкого миномёта. Мина попала в стену дома, но по какой-то причине не разорвалась и застряла в стене. Хвостовик остался на улице, а оголовок со взрывателем практически в избе. Кому-то это может показаться ловким вымыслом, но мне приходилось видеть в Оренбурге артиллерийский снаряд, выпущенный белогвардейской пушкой и застрявший в стене здания, занятого красногвардейцами на Хлебном переулке.

А чем дорог и памятен для Евдокии-хозяйки дом, в котором застряла на долгие годы проклятая немецкая мина? Конечно же, памятью о муже: *«Построил его Фёдя перед самой войной. Построил за малый срок. Он словно торопился, боялся, что не успеет. Времени у него было мало и без того. Работал Фёдор бригадиром в колхозе, днями пропадал на поле, домом занимался до глубокой ночи. Молодая жена его Евдокия вначале помогала как могла, а потом, когда дитё ждали, Фёдор всю тяжёлую работу по строительству взял на себя – один управлюсь... Крышу он крыл уже в начале июня 41-го. Тогда и перебрались в новый дом... В первые месяцы от Фёдора приходили письма. В них он утешал жену, обещал: скоро одолеют немца, и он вернётся...».*

Для Евдокии стало потрясением, когда во время карательной операции оккупантов, обстреливавших деревню, одна из мин вонзилась в стену дома, где она схоронилась вместе с дочерью. Мина попала не просто в стену, но в ДОМ, в МЕЧТУ о мирной и счастливой жизни с любимым. А они затевали нарожать деток и зажить ладком. Мина словно бы поразила и её любимого, унесла его жизнь. Евдокия испугалась попервоначалу, по-бабьи, тряпицей завесила торчащую из стены железяку. А потом свыклась.

Очень точное наблюдение! Память о смертной опасности, известие о гибели родного человека, словно такая мина, долгие послевоенные годы жили в сознании людей. Первая острота переживания постепенно отступала, но не уходила вовсе никогда. В скольких миллионах семей десятилетиями пребывали подобные воспоминания о войне и жертвах, которые годами и оплакивать было нельзя, поскольку «без вести пропал». Когда говорят о жертвах войны, следует помнить и учитывать не только безвозвратные потери и миллионы увечных воинов. Но среди жертв и такие вот русские простые бабы, как Евдокия, лишённые счастья быть любимой, женой, матерью оравы ребятишек, бабушкой и прабабушкой в окружении шумливого гурта внуков и правнуков.

Официальная, десятилетиями утаиваемая цифра в 27–28 миллионов жертв войны – цифра далеко не полная. И уйти от раздумий о перенесённом, об утратах не удавалось и впредь не удастся никому: *«С годами Евдокия привыкла к мине, хотя конечно, как и прежде, боялась. А однажды поймала себя на мысли, что все думы о ней сами по себе облакаются в некую теплоту и задушевность, потому что связывают её с ушедшей в безвозвратность молодостью, с той далёкой порой, в которой жили она и Фёдя, были вместе... Мину первыми увидели немцы, обшаривающие после обстрела деревню в поисках не успевших уйти партизан. Евдокия*

услышала за стеной гогот, затем в дом ворвался здоровенный фриц и, что-то горланно выкрикивая, потащил её на улицу. Там её подтолкнули к стене и показали на торчащий из паза хвостовик мины. Один из фрицев многозначительно задрал подбородок, пощёлкал по стене ногтем и предупредил: «бах-бах». Остальные хохотали, выходя за калитку...»

Мину извлекли много лет спустя сапёры, которых вызвал зять Евдокии: *«Пётр старательно обрабатывал стамеской края широкого четырёхугольного отверстия, выпиленного в стене в том месте, где раньше сидела мина.*

– Посмотрите, мама, какой красивый вид из окна будет...»

Финал притчи таким и должен быть таким: светлым и многозначным.

Вчитываясь в повести и рассказы Павла Кренёва, я вспомнил одну давнюю встречу с рабочим уральского завода. Был он из тех рабочих, которых именуют профессорами своего дела. Проверая как бы в шутку меня и мою компетентность, дал мне в руки металлический шар с отверстиями. А внутри цельного шара ещё один шар, внутри ещё один и ещё.

– Знаешь, как сделано? – спросил токарь и улыбнулся в картинные пролетарские усы. Поскольку до института поработал станочником, я кое-что микитил. Потому знал и ответил правильно.

Проза Павла Кренёва напомнила мне эту заковыристую потешку от уральского токаря-универсала. За внешней простотой и обманчивой безыскусностью кроются глубочайшие смыслы и значения. В этой прозе нет модернистских завихрений, концептуальных заумностей. Она пишется не в угоду рыночной конъюнктуре и большекнижным отличиям напоказ. Она о людях и для людей. Можно, конечно, упрекнуть автора, что пишет и пишет он о своём Беломорье, деревне Лопшеньге, простых мужиках-поморах и рыбацких жонках, русских старухах и егозливых ребятишках. О глухарях, тетёрках и медведях, о лесной своей стороне и студёном море, в котором всё ещё водится сёмужка, а на льдинах пестуют своих детёнышей-бельков тюленихи-утельги.

Но погодите укорять попусту. Вспомним: Василий Белов, певец родной Вологодчины, тем и велик вовеки, что славил свою родину. Василий Шукшин, куда бы ни направлялся, ни на день не покидал родных Сростков, Михаил Шолохов всех героев, целый мир поместил в один хутор, вознесённый над Тихим Доном.

Воистину русская реалистическая проза, к которой, несомненно, по праву относится новая книга Павла Кренёва, это действительно **«БЕЗДНА ЗВЕЗД ПОЛНА. ЗВЕЗДАМ НЕТ СЧЕТА. БЕЗДНЕ ДНА»**.